

НОВАЯ ГАЗЕТА

КОЛОНКА • ОБЩЕСТВО

Как он стал от нас далек...

Присвоенный праздник

10:00, 10 мая 2024,

Антон Орехъ

полную версию материала со всеми мультимедиа-элементами
вы можете прочитать [по этой ссылке](#) или отсканировав QR-код →

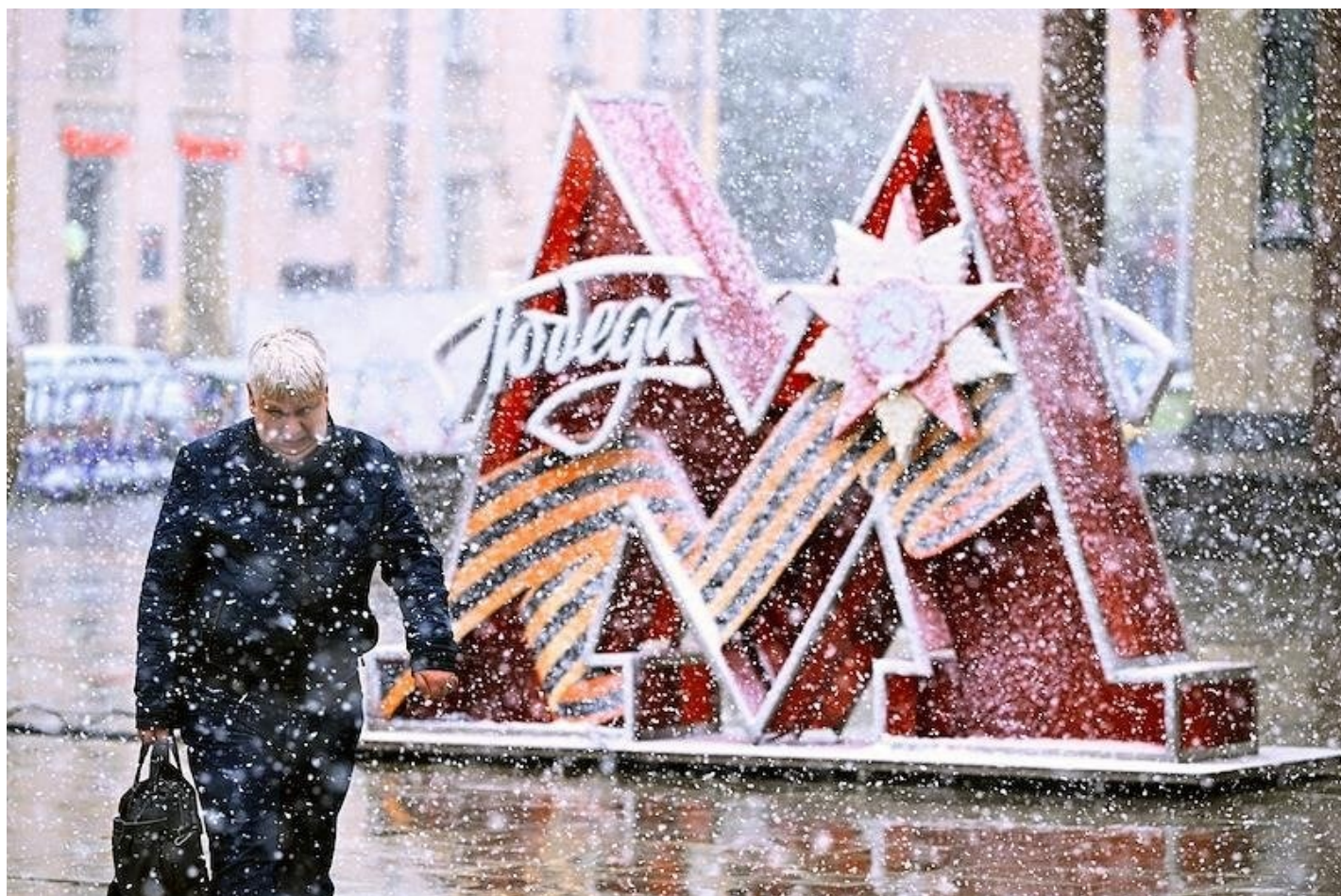

Фото: Игорь Иванко / Коммерсантъ

В начале 80-х по советскому телевидению шла 20-серийная киноэпопея (тогда еще не было понятия сериал) «Неизвестная война». Для нашего телевидения ее называли просто — «Великая Отечественная».

Я был тогда еще октябренком, и мы смотрели все серии вместе с бабушкой. Каждая серия начиналась аккордами «Вставай, страна огромная». И каждый раз бабушка плакала. Потом эпопею повторили. И мы снова посмотрели с ней все 20 серий, и бабуля каждый раз снова плакала в начале каждой серии. Ее старший брат Женя погиб под Лугой. Ее младший брат Володя отправил домой фронтовой треугольник с Курской дуги: «Дорогая мама и сестрички! Я сегодня уже сорок дней воюю». В этот же день, отправив это письмо домой, он погиб.

Бабушкин муж — дед Ваня. Из всей нашей семьи он один вернулся живым с войны. Один из пятерых мужчин. Конечно,

День Победы с детства был для меня не просто датой! День Победы для меня — портрет деда, который стоит на столе прямо сейчас передо мной. Это бабушкины братья, которых я не видел даже на фотографиях, потому что их не сохранилось, но слышал про них столько рассказов, столько видел бабушкиных слез, что для меня это были живые, родные люди. Это и мамины воспоминания о том, как бомбили Москву, как поезд вез их на Дальний Восток в эвакуацию.

Мне всегда казалось очень важным, чтобы люди помнили о войне, понимали, какую колоссальную цену заплатило поколение бабушки и деда. Никогда для меня этот день не был днем задорного веселья, а всегда был днем грусти и семейных воспоминаний.

Был момент, когда показалось, что 9 мая превращается во что-то картонное, для галочки, ради выходного. Мне было обидно, хотя я и понимал, что время идет, сглаживая остроту общественных чувств. Это естественно и это даже хорошо. Постоянно жить прошлым нельзя — надо идти вперед. Но я с восторгом узнал об акции «георгиевская ленточка», которую придумала команда Светланы Миронюк из РИА «Новости». Не по разнарядке, не от имени государства, а действительно от большого душевного порыва это началось — и мы надевали эти ленты и были рады видеть каждого идущего навстречу с такой же лентой. Так это было здорово!

Через год начальство «спохватилось». Ленточки надели люди на трибунах и в телевизоре, в школах стали говорить, что 9 Мая ленту нужно носить «обязательно». Прекрасный душевный порыв немедленно решили поставить в строй, формализовать и

проконтролировать.

Прошло время. Вновь наступило 9 мая. Я открыл в компьютере новость из Томска и остолбенел. Я до сих пор считаю, что фотография, которую я увидел, — одна из самых потрясающих, что я видел в жизни. По силе и внезапности впечатления. Местная телекомпания «ТВ-2» без какого либо распоряжения или одобрения начальства придумала акцию «Бессмертный полк» (тогда еще поначалу путали и говорили «Забывтый полк», что даже лучше соответствовало моменту). Люди решили просто выйти в День Победы на улицу с портретами своих близких-фронтовиков, и это действительно получился целый полк. Я смотрел на эти лица — живых людей и тех, кого давно нет, — и они как будто тоже смотрели на меня. Это была фантастика.

Через год «бессмертные полки» начали проводить повсюду. И поначалу это тоже было трогательно и хорошо. Сын моих знакомых, подросток, не сказав никому, на свои школьные деньги пошел и сделал портрет прадеда и решил пойти с ним на шествие. Разве не здорово это было? И даже годы спустя оставалось немало тех, кто действительно от души, с любовью выходил на «Бессмертный полк». Но было и другое. И другого становилось все больше. Начиная с обязательки и отчетов и заканчивая стандартными заготовками для портретов, в рамки которых вставлялись первые попавшиеся черно-белые фотографии случайных людей, а после шествия все это оказывалось на помойке или в куче в подворотне. Кто-то стал выходить с портретом Николая II, кому-то просто раздавали эти портреты перед началом шествия, на которое заставили прийти.

Фото: Майя Жинкина / Коммерсантъ

...Светлану Миронюк и ее товарищей постепенно выжили из РИА. Телекомпанию «ТВ-2» разогнали. Придуманное ими — присвоили себе. Как присвоили себе и весь праздник. Который окончательно перестал быть днем скорби и памяти. Скорбь в нем ограничивалась пятиминуткой молчания в семь вечера. Чтобы снова уступить место вакханалии ряженных полупьяных граждан в пилотках, нацепивших ленточки на собак, велосипеды и радиаторы машин с наклейками «Трофейная» и «На Берлин».

День Победы, про который, как казалось еще недавно мне, стали забывать — вспомнили. И еще как вспомнили. Это выглядело теперь так, словно война не закончилась 75 лет (тогда еще) назад — а идет прямо сейчас! Каждый день заново брали Рейхстаг. Боролись с теми, кто «переписывает» историю, — и сами переписывали ее и в хвост, и в гриву. День, когда был

колоссальной ценой завоеван мир, превратился в день, когда достигала пика задорная пропаганда милитаризма. Вместо «никогда больше» появилось «можем повторить».

И вот эти все идиотские пилотки и мини-юбки, поющие, как на дискотеке, великие фронтовые песни, — они создавали у людей ощущение, что война — это весело, это легко, это совсем недолго. Что война — это не 27 миллионов погибших.

Хотя мы до сих пор даже с точностью до миллиона не можем сосчитать потери. Война — это сразу же автографы на стенах поверженного Берлина и салют.

Фото: Михаил Терещенко / ТАСС

Власть вцепилась в Великую Отечественную, употребляя местоимение «мы». «Мы победили фашизм». Мы? Это вообще развито у нас. Мы и с Пушкиным и Толстым вместе писали стихи и сочиняли прозу. И с Чайковским складывали ноты в симфонии. И с Менделеевым видели один и тот же сон про Периодическую таблицу. Мы охотно присваивали себе победы и открытия, к которым не имели никакого отношения. И не позволяли задать прямой вопрос: а на самом деле — чего добились мы? Поколение моего деда и бабушки действительно выиграло войну. Они могли сказать про себя «мы» — только почему-то говорили они так редко. Зато «мы» с Гагариным хором говорили «Поехали!».

И в какой-то момент прошлое ожило. Не просто «можем повторить» — а повторим. С новыми фашистами, с врагами, которыми стали бывшие союзники. С песнями Окуджавы, Высоцкого, Евтушенко, которые сегодня, оказывается, «точно были бы с нами».

Третий год идет то, что названо «специальной военной операцией». Идет прямо сейчас, в эту минуту. А я 9 мая весь день ездил по Москве, где шел снег и дул пронизывающий ветер, заставляя думать о нехорошем символизме. За весь день встретил только одну семью с георгиевскими ленточками и одну семью в пилотках. И даже привычного, увы, идиотизма, всякий раз наступавшего по мере приближения к 9 мая, стало совсем мало.

Война, ставшая краеугольным камнем пропаганды, ее «топливом», оказалась в тени совсем других боев. Из этого сосуда выплеснули то важное и правильное, что в нем было. И

люди даже перестали поздравлять друзей с Днем Победы. День, который был самым главным, святым днем, стал днем стыда и неловкости. Не за тех, кто погибал четыре года и победил 79 лет назад. Не за них. А перед ними.

ЧИТАЙТЕ ТАКЖЕ:

[Раздвоение реальности или украденная память](#)

Уже в 2014 году 9 мая стал для многих сугубо частным событием, не имеющим никакого отношения к существующему государству

12:59, 10 мая 2024, Андрей Гронский